

Екатерина
Ромеро

(Не)нужные
для БОССА
СЕМЬЯ НА ЗАКАЗ

18+

Настоящие мужчины

Екатерина Ромеро

**(Не) нужные для
босса. Семья на заказ**

«Автор»

2023

Ромеро Е.

(Не) нужные для босса. Семья на заказ / Е. Ромеро — «Автор»,
2023 — (Настоящие мужчины)

Дотошный, придирчивый и просто невыносимый! Гениальный архитектор, самодур и по совместительству мой начальник, его святейшество, Егор Айдаров. Оставшись одна с маленьким ребенком на руках я даже не думала, какое предложение мне сделает новоиспеченный босс.— Вы?! Боже, выйдите, не смотрите! Не смотрите!— Я не смотрю! Мне надо кран перекрыть, отойди! Подхожу ближе, от чего Виктория с ужасом жметса от меня к стене.— Смотрите! Не смейте смотреть на меня!— Черт, Виктория, выйди я сказал, бегом! Она грудь почему-то руками прикрывает, тогда как я вижу ее гладкую промежность. Ох, лучше бы ее прикрыла, так как возбуждение мгновенно простреливает в паху. Черт.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Екатерина Ромеро

(Не) нужные для босса. Семья на заказ

Глава 1

– Сделай кофе! – басит мой новоиспеченный босс, проносясь мимо как танк, даже не смотря в мою сторону. Да уж, похоже, не зря Айдарова Драконом зовут. Огромный, высоченный и злой, одно только, что не зеленый.

Смотрю на телефон. Восемь тридцать, и это мой первый рабочий день в этом холдинге, который больше похож на логово дракона, самый огнедышащий из которых – мой босс Егор Григорьевич.

Думала, Айдаров сожрет меня на собеседовании, а я всего-то на роль ассистента главного архитектора просилась, и сердечко мое бедное едва из груди не вывалилось от его прямых вопросов!

В офисе какая-то суeta, и в кабинет к Айдарову то и дело начинают сходитьсь человечки в костюмах. Кажется, что-то идет не так, поэтому я со своим подносом едва проталкиваюсь в его кабинет.

Стильный, просторный, на стенах куча наград висит да грамот, и моя профессиональная жилка чуть дергается от белой зависти к нему. Я не доучилась. Мой лучик появился на свет раньше, но я не жалею ни о чем. Стать мамой было важнее, чем строить призрачную карьеру архитектора.

Бросаю взгляд на большой письменный стол. Весь в чертежах, бумагах, линейках, и Айдаров по центру стоит, как идол, прости господи. Дракон кого-то отчитывает, пока другие участники собрания крутят ручки в ладонях, а провинившийся нервно грызет карандаш.

– Мусор! Переделать! Быстро!

Я замираю с подносом в руках, когда слышу командный низкий голос начальника, после которого молодой архитектор пулей вылетает из кабинета, поджав хвост и приложив свои мятые чертежи к сердцу.

Толпа рассасывается, и я даже сориентироваться не успеваю, когда остаюсь один на один с Айдаровым.

Он стоит у окна, руки сложил в карманы серых брюк. Напряжен весь, мужик под два метра ростом, плечи широченные, подтянут и одет как к приему королевы. Я же в простой коричневой юбке ниже колена, блузке под горло и балетках. Минимум макияжа, волосы собраны в высокий хвост. Скромно и неприметно, потому что я замужем и пришла сюда работать. Мне деньги нужны, на этом все.

Подхожу ближе, словно подбираюсь к бешеному льву.

– Егор Григо...

– Я же сказал переделать!

Все случается быстро, и мой поднос подлетает в воздух, когда Айдаров резко разворачивается и огромной ладонью выбивает его из моих рук.

Хрустят фарфоровые чашки, которые я отчаянно пытаюсь поймать, обжигая ладони о горячий кофе, но вместо этого делаю только хуже. Кофе расплескивается, и белоснежная, идеально выглаженная рубашка Айдарова вместе с его светлым костюмом оказываются испорчены. Темные пятна кофе плескаются ему на брюки, пиджак, рубашку без единой складки и даже явно недешевые наручные часы.

– Ой-й-й...

– Виктория, – цедит сквозь зубы, сверля меня темно-синими глазами с длинными черными ресницами, а я лишь смотрю на него как дура и глаз оторвать не могу. Боже, более красивого мужчины в жизни не видела, да простит меня Сергей.

Сглатываю, пытаюсь подобрать слова. Я первый день тут работаю, и мне очень, очень нужна эта работа.

– Извините, ради бога!

Стою и хлопаю на него глазами, видя, как Айдаров оттягивает край рубашки, с ужасом осматривая эти жуткие пятна. Его ноздри при этом трепещут, чуткие губы поджаты, а на скулах ходят желваки от злости.

В этот момент почему-то бросаю взгляд на его руки. Жилистые, с длинными пальцами, отчетливой сеткой вен и небольшими следами от карандаша, когда долго и часто делаешь чертежи. Руки архитектора.

Наверное, сейчас правильно было бы какие-то салфетки притащить и попытаться этот ужас отмыть, если бы я не боялась прикоснуться к торсу собственного новоиспеченного босса и по совместительству этого высоченного мужика.

– Как я нанял тебя, Лебедева? Я что, не в себе был... – басит Айдаров, и я впервые встречаюсь с ним взглядом. До того не решалась. От него холодом арктическим веет, таким, до костей прямо пробирающим, до мяса.

Синие глаза, точно грозное летнее небо, взгляд прямой, уверенный, пронизывающий.

Последняя попытка перед тем, как вылететь отсюда. Вика, соберись!

– Снимите рубашку, я застираю пятно.

– Так не терпится увидеть меня голым?

– Пф... Нет! Нисколько.

Чувствую, как горят щеки почему-то. Странная реакция, что он вообще о себе возмнил?!

– Тогда выйди и сделай мне кофе, Виктория. Снова!

Игнорируя жгущую боль в руках, я быстро собираю осколки чашки. Складываю всю эту керамику на поднос и вылетаю из кабинета босса, жалея, что этот кофе не попал ему куда-то в глаз.

Глава 2

Через пять минут осторожно стучусь в кабинет Айдарова. Новый кофе отдает крепким ароматом. Положила в него четыре ложки сахара, сама не знаю зачем. Может, чтобы Дракон подобрел, а то почему-то сегодня все из его кабинета расстроенными выходят, один паренек молодой даже плакал, сжимая эскизы в дрожащих руках.

– Да!

Приоткрываю дверь. Айдаров за столом сидит, как король на пьедестале. Перед ним гора документов каких-то, папок, договоров, бумаг. И вот вроде всего целая куча, а порядок дотошный, даже карандаши выложены словно под линейку и, кажется, даже по оттенкам от светло-серого до черного...

– Можно? Я кофе вам принесла. Новый.

– Снова ты? Ладно,ходи.

Не смотря на меня, вцепился в какие-то бумаги. Недовольно сжимает по-мужски красивые губы. Брови черные свел, напрягся, царевич-несмеян.

Проскальзываю в кабинет, прикрывая дверь. Холодными пальцами этот чертов поднос сжимаю.

– Вот, пожалуйста.

На стол аккуратно поднос ставлю, видя, как резко Айдаров взгляд на меня переводит из-под опущенных черных бровей.

– Не тронь бумаги! Осторожно, не заляпай.

– Я вижу! Могли бы и убрать этот завал на столе.

– Мой стол – мои правила.

У него тут целый алтарь этих документов, дышать даже страшно. Протягиваю боссу кофе, будто зверю в клетку кусок мяса предлагаю. Осторожно, лишь бы руку мне не оттяпал по локоть.

– Обожглась?

Ловлю его цепкий взгляд на себе. На правой ладони кожа покраснела. Я и правда сильно обожглась, черт возьми. Стыдливо натягиваю рукав блузки, замечая ухмылку мужчины.

– Это не мешает работе. Ерунда, – вру, так как рука до чертиков жжет, но выдавливаю из себя нечто наподобие улыбки, ловя его раздраженный взгляд. Настя уже сказала мне, что Айдаров любит исполнительных роботов, а не людей. Чувства его подчиненных ему не теплее, чем снег в январе.

– Вот список дел. До завтра чтобы все было готово, ассистент.

«Вообще-то у меня имя есть», – обиженно думаю про себя, но молча киваю. Я уже и так сегодня отметилась. Пожалуй, вторая стычка с боссом в первый рабочий день станет моей последней.

Мужчина передает мне свернутый, явно расписанный от руки листочек, который открывается на раз, два, три страницы.

Сорок пять пунктов! Сорок пять! Идеальным почерком, уверена, без единой пометки. Боже, так красиво пишут дипломаты, ну или психопаты, выводя имя жертвы у нее на лбу.

– Это... все до завтра сделать?!

– Да. Утром принесешь отчет. Свободна, – басит босс и тут же переключается на звонок, тогда как я понимаю, что с Соней поиграть сегодня не выйдет, так же как и поспать.

Айдаров этот хуже, чем дракон. Он королевич просто драконов, однако и меня так просто не сломать!

В этом месте зарплата в три раза больше, чем на подобных позициях, а значит, и спрашивать он будет соответственно.

Остаток дня проходит как в тумане. Обожженная рука болит, но все же я работаю. Не сдамся так просто, это моя первая должность не только после декрета, а вообще первая, и я чувствую себя сбитой с толку и не знающей абсолютно ничего.

Через час Айдаров возвращается в офис в новеньком костюме, и я стыдливо опускаю глаза, когда он проходит мимо, даже не повернув ко мне головы.

Ему года тридцать четыре, и сказать, что он красив, – это ничего не сказать. Высокий и подтянутый, со стильной стрижкой и короткой щетиной, его дорогой парфюм слышно, как только он появляется на горизонте. При этом красота его не смазливая, мой босс вовсе не мальчик, не манекен, но Айдаров почему-то привлекает внимание.

Сама даже не знаю почему. Как красная таблетка, которую нельзя. Смотреть даже страшно.

На таких залипают, ради таких, наверное, молодые девчонки вены себе грызут, умирают. Отрицать этого нельзя, да вот только и смотреть на него я никакого права не имею. Я замужем, и я очень-очень счастливая, кажется... Наверное.

Дракон мимо меня проходит и вообще не замечает. Даже не здоровается.

– Ты не бери в голову. Айдаров всегда такой. Со всеми, – Настя, дизайнер, почему-то успокаивает меня.

– Такой робот?

Почему-то Айдаров мне его больше всех напоминает. Красивый, идеальный строгий робот с винтиками в голове и аккумулятором вместо сердца.

– Ну, Егор Григорьевич просто любит порядок и профессионализм. Так что, если хочешь здесь выжить, всегда делай так, как он говорит.

– А если он не прав? Может же быть такое? Он же не Господь Бог.

– Викуль, Айдаров не может быть не прав априори, он здесь все в одном. Хозяин, генеральный директор, дьявол и Бог. Дьявол, конечно, намного чаще. В общем, гремучее комбо. Он создатель компании, сам умен как черт, профессионал своего дела. У него только лучшие архитекторы работают, и, как ты видела сегодня, халтуры он не принимает. Сожрет и дальше пойдет.

– Какой же дотошный. Как его жена только выносит...

– А он не женат, хотя, я думаю, может, и были претендентки, да только Айдаров им голову откусил!

Настя смеется, вот только мне вообще не смешно. Айдаров меня почему-то пугает. Какой-то слишком колючий, как еж, и еще этот строгий взгляд его синих глаз. Бр-р...

– Шучу, никто в офисе не знает о личной жизни Егора Григорьевича. Так, сплетни только плетут, одна хуже другой, а вообще он такой красивый... ой, мне бы с ним хоть раз на свидание сходить! Счастья были бы полные трусы.

– Так сходи.

– Ты что?! Если я даже заикнусь ему о таком, вылету отсюда как пробка из шампанского.

– Это почему же?

– Наш Егор Григорьевич не приемлет отношений на работе, и это все знают. У нас тут молоденькие Сашка с Лизой встречаться начали, так он их обоих уволил. Видите ли, инструкции они нарушили. Выгнал по собственному, и никаких тебе разбирательств.

– Настя, я была бы рада еще поболтать, но мне все это надо сделать. Сегодня.

Показываю ей список дел, и брови дизайнера быстро ползут вверх.

– Жуть. Айдаров таких, как ты, на завтрак разогревает. Ты уже пятая его ассистентка за этот месяц.

– А прошлые куда делись? На фарш пустил или под линейку закатал?

– Сбежали, аж пятки сверкали, двое даже в истерике. Так что лучше сразу уволься, пока Айдаров и тебя не съел.

Качаю головой: ну уж нет!

Так просто бросить эту работу я не имею права. Только не сейчас, когда моя малышка нуждается в еде, одежде, качественных развивающих игрушках.

Это все, кроме меня, ей никто не купит, даже ее отец, не позвонивший нам ни разу за последний месяц спросить, как у его трехлетней дочери идут дела.

Глава 3

Едва поползаю до сада, чтобы забрать Соню. Она плачет, уставшая и дико расстроенная. Первый день в садике, а я только недавно вышла на работу после декрета. Кажется, более трудного дня просто быть не может.

Благо Сергей сегодня приезжает. Уже лучше, будет, может, хоть какая помощь, вот только не звонил он мне в этой командировке. Ни разу. На СМС мои отвечал и то односложно: “да”, “нет”, “не знаю”.

– Ма-ма! Мамочка, он плиехал! Плиехал!

Мой маленький лучик носится по всей квартире, наматывая уже десятый круг, когда мы обе слышим заветный звон ключа.

Соня так ждала Сергея этот месяц из командировки. Каждый день спрашивала о нем, в отличие от него.

– Привет, Сереж.

Тянусь поцеловать мужа, но он останавливает меня, буквально отодвигая за плечи. Тут же улавливаю густой аромат перегара, исходящий от него. Неприятно.

– Не трогай! – гаркает, и я машинально ловлю дочь, пряча ее за ногами. Обидно до слез. Соня так ждала отца, и он возвращается с просто убитым настроением, да еще и явно выпивший. Мы холодно расстались, хотя у нас последний год холодно что в разговорах, что в постели. Даже уже не родственники, просто как соседи живем. Чужие друг другу, хоть я все еще пытаюсь ради дочери склеить это битое стекло изрезанными пальцами. Со всех сил пытаюсь, зная, что такое расти без отца.

Встречаюсь с лучиком глазами. Ее яркие голубые омуты светились от предвкушения встречи с папой еще минуту назад, но не сейчас. Теперь же Соня притихла и даже с места не двигается, прячась за меня от явно подвыпившего Сергея.

– Сереж, ну что случилось? Ты не звонил, почти не отвечал мне. Может, помиримся уже? Прости, если была не права тогда. Просто не убрала посуду вовремя, не успела приготовить тебе ужин. Уже месяц прошел, месяц, понимаешь? Нельзя так по каждому пустяку ругаться. Мы же семья, – осторожно говорю, не хочу я ссор больше. Соня их очень пугается, плачет, а потом и я реву в подушку до утра, отвернувшись к стене носом.

– Ты на работу устроилась?

Игнорирует. Проходит в квартиру. Наспех снимает обувь и куртку, бросая ее куда-то в угол коридора. Уборщица бесплатная уберет, то есть я.

– Да. Ассистентом. В хорошую архитектурную компанию.

– Вот и славно. Мне деньги нужны. Много.

– Что случилось?

– Ничего. Отойди, – чеканит строго и проходит мимо меня и опешившей Сони. Даже не наклонился к ней, не поцеловал, отчего я вижу вселенскую печаль в глазах дочери. Игнорирование хуже ненависти. Опять такой. Невыносимый.

– Может, поздороваяешься с дочерью? Соня так ждала тебя. Спрашивала о тебе каждый день. Ты же ее папа!

Муж на малышку бросает взгляд и кривит губы. Презрительно, холодно, просто отвратительно.

– Здоров, – точно щенку бросает и проходит мимо малышки, которая как раз в этот момент тянет к нему ручки.

– Сереж, ну зачем ты так? Ладно, мы с тобой, понятно уже все, но Соня скучала по тебе. Это ж твоя дочь!

– Эта, – на Соню бросает мрачный взгляд, – не моя!

От такой заявы я уже промолчать не могу. Боль аж к горлу подбирается, глаза жгут выступившие слезы.

– Ты что говоришь? Соня твоя. Родная дочь!

– Нет, не моя! Эта мелочь вообще на меня не похожа, и с каждым днем все виднее! Люди скоро уже пальцами тыкать начнут! Привела бастарда нагулянного...

– Мама, я боюсь...

Видя настроение в семье, лучик подбегает ко мне, встревоженно просясь на ручки, и я беру ее, прижимая к себе.

– Я надеюсь, что ты не серьезно это сказал, Сергей. И завтра, когда протрезвеешь, пожалеешь о сказанном в этой квартире и извинишься.

Прижимаюсь спиной к стене, когда уже в следующий миг муж в два счета настигает меня и хватает под руку. Я безумно пугаюсь **такого** его, и особенно Соня. Она начинает плакать, крепко обнимая меня за шею.

– В этой квартире?! А ты не забыла, чья она, Ви-ку-ля? Ты хоть что-то здесь покупала? Я тебя, голодную студентку, откопал без всего! Я работаю как проклятый, а ты что делаешь? С этой мелюзгой развлекаешься?

Удар болезненный, но я его принимаю. Он выпил, ладно, еще шанс.

– Соня часто болела, ты же знаешь. Я не могла раньше выйти на работу, а до этого – училась.

– Училась она... Архитектор ты недоделанный! Ты должна работать! Нам деньги нужны в семью, и много, поняла?

Вздрагиваю, когда в следующий миг Сергей за предплечье меня хватается, впечатывая в стену. Он не очень высокий, но крепкий, такой чужой. Уже.

– Поняла, я спрашиваю?!

– Пусти, мне больно!

– Мам! Мам...

Соня крепче ко мне прижимается, тогда как я вообще уже мужа не узнаю. Я не за такого мужчину замуж выходила четыре года назад... кажется, не за такого. От первой любви снесло крышу, и, кажется, я тогда вообще рационально думать не могла, одни только бабочки в животе и желе вместо мозгов было.

Теперь же бабочки истлели, превратившись в дохлый пепел. Я давно забыла, каково это – ощущать желанную ласку мужчины. Одеревенела вся, шипами обросла, точно машина для стирки-уборки-готовки. Ах да, еще кукла для секса насухую, без прелюдий и со слезами от оскорблений во фригидности после. Все. Вот к чему я пришла за четыре года замужества за этим человеком.

Его рука сдавливает мою до боли, и слезы застилают глаза, которые я держу до последнего. Не хочу Соню пугать. Я должна быть сильной только ради нее.

– Пусти, убери от меня руки! – рычу, и тогда Сергей отпускает, а я с силой ударяюсь спиной о стену. Рука жжет, и мне сразу же становится страшно. Я одна с Соней. Нет больше никого, кто бы мог помочь. Мама умерла два года назад. Все. Я осталась одна в этом мире.

– Скажи, в чем дело? Я тебя вообще не узнаю. Неужели такие отношения ты хотел? Что с тобой происходит?

Шаг к нему. Навстречу. Склеить все это, по кускам собрать разбитое. Еще шанс, тысячный. Ради Сони, которая должна жить в нормальной семье.

– Ничего. Уходи. И мелочь эту вечно орущую забирай с собой!

– Что? Что ты сказал сейчас?

– Что слышала! Я хочу отдохнуть. Я устал. Валите отсюда!

Бросаю взгляд на часы. Десять вечера, ночь уже на дворе.

– Ты с ума сошел? Куда я пойду на ночь глядя с маленьким ребенком?

– Куда хочешь. Если сами не свалите, я помогу вам.

Глава 4

Дважды мне повторять не нужно. Быстро опускаю дочь на пол и, держа ее за руку, хватаю сумку, одеваю ребенка, набрасываю куртку и выбегаю на улицу.

Снег холодный пролетает, март на дворе, а я реву. От обиды, которая уже дышать не дает. Что мне делать, вот что?!

Я замужем, у нас есть квартира мужа, ребенок маленький, я только-только из декрета вышла, и тут такое. Родственников нет, сбережений своих нет, все в дом, ради мужа любимого...

– Мамочка... Не плачь.

За край куртки меня дергает напуганная Соня. Она еще маленькая, и, наверное, это хорошо. Как же я хочу, чтобы она не запомнила такого отца, который не то что шоколадку не принес, даже не обнял ее за столько дней.

Сергей не звонил уже последнее время, о ребенке совсем не спрашивал. Мы ему мешаем, кажется, сильно мешаем жить.

– Я не плачу, лучик мой! Мама не плачет, ты что! Вовсе нет. Иди ко мне. Сейчас к тете Яне поедem.

Копаясь в сумке и быстро нахожу телефон. “Яна подружка универ” светится на дисплее. Хотя и живет в ста километрах отсюда, мне все равно уже. Ехать больше некуда, а возвращаться в квартиру к Сергею я сегодня точно не стану.

Думала, пройдет это у него, но нет. После свадьбы это стал совсем другой человек, который ухаживал красиво, дарил подарки и клялся в любви, вот только клятвы эти разломились на части, как хрупкая скорлупа.

Он снова меня сегодня так больно за руку схватил, что аж Соня испугалась, прижалась ко мне, как котенок.

– Алло.

– Ян, это я!

– Кто это “я”?

– Вика Лебедева. Прости, что так давно не звонила.

Едва сдерживаю слезы, глотаю комок, стараясь выровнять дыхание. У меня немного было подруг, а после замужества и те отпали. Сергей хотел внимания только к себе одному. Яна лишь осталась, а точнее, редкие звонки подруге.

– Вика, ты?! Боже, ты так поздно звонишь, что случилось, что-то с Соней?

Смотрю на своего лучика, который в этот самый момент ловит губами пролетающие снежинки.

– Нет, с Соней все хорошо. Ты извини, что так резко, но можно мы к тебе приедem? Прямо сейчас.

Долгое молчание в трубке. Слишком долгое, чтобы я поняла, что этот вариант отпадает сразу.

– Эм... У меня парень новый, Вик. Мы только съехались. Он не поймет, если вот так сразу гости придут на ночь глядя, да еще и ребенок маленький. Так, а что случилось? Сергей снова, да?

Прикусываю губу от досады. Черт возьми. Как же сильно я надеялась на нее.

– Неважно. Спасибо, что просто ответила на звонок.

– Не обижайся, Викуль. Если бы раньше...

– Все нормально. Правда.

Отключаю телефон, понимая, что уже ночь на дворе, я без машины, практически без денег и с трехлетним ребенком на руках.

Вижу, что Соня спать уже хочет. Об мою руку трется замерзшим носиком и вот-вот начнет плакать. Думай, Вика, думай!

– Сонь, а поехали ко мне на работу!

– На лаботу?

Удивленно вскидывает на меня глазки-светлячки.

– Да! Там есть большой диванчик. Поспишь там, а завтра в садик сразу. Поехали!

Эта идея сейчас кажется мне единственно верной, так как, проверив кошелек, я обнаруживаю деньги только на такси. Я так спешила выбежать из квартиры, что ничего иного не взяла, да и нет у меня своих денег после декрета. Соня часто болела, и выйти на работу раньше не получалось.

Сергей, можно сказать, выдавал Соне на еду средства, а я перебивалась. Знала, он не любит лишних трат, а я только устроилась. Вспоминаю офис. Там тепло и чисто, есть диван большой, да и ночью точно никого не будет.

Мне нужно, чтобы Соня поспала нормально. Утром решу, что делать дальше.

Такси довозит нас до офиса в центре города за полчаса. Благо пробок нет, поэтому доезжаем быстро. Соня, правда, совсем раскисает и начинает плакать. Она спать хочет, тогда как я ошалело ищу это самое место ребенку, где можно поспать.

У меня есть ключи от нашего офиса, знаю, там есть прекрасный диван. Неподалеку от кабинета Айдарова, но он же не работает по ночам, а значит, ничего не заметит.

Как я и ожидаю, офис оказывается пустым, охрана нас пропускает, весьма неоднозначно посмотрев на меня с ребенком, но, честно, меня это сейчас волнует меньше всего.

– Давай, солнышко, залезай сюда.

Расстегиваю куртку Сони и снимаю с нее шапку. Светлые волоски тут же поднимаются вверх тонкими антенками, наэлектризовавшись.

– Селгей... Он не хотел меня видеть.

Поджимаю губы. Соня в последнее время его даже папой не зовет. Сергей настолько холоден к ней, что у меня сердце болит за ребенка. Не о таком муже я когда-то мечтала, даже близко не о таком.

– Папа хотел тебя видеть, он тоже очень скучал по тебе! Он просто устал, маленькая моя.

Выдавливаю из себя улыбку. Не хочу ее пугать и расстраивать. Соня так тянется к Сергею, который под корень просто срезает ее вселенскую любовь.

– Ложись и закрывай глазки. Я сказку тебе расскажу.

Укладываю дочь на диванчик, сверху укрыв курткой, и как раз в этот момент с ужасом слышу стук открываемой двери кабинета своего начальника, а затем вижу и его собственной персоной.

– Это еще что такое?! – басит Айдаров, видя сонную Соню и перепуганную меня. Ой...

Сжимаюсь вся в тугой комок. Его тут быть не должно, что он ночью делает в офисе, духов, что ли, вызывает?

– Чей это ребенок?

– Мой.

Окидывает меня строгим взглядом и Соню таким же, а я аромат одеколона его улавливаю. Приятный, мужской, завлекающий, будоражащий каждую клетку.

Айдаров сводит брови, вижу, как напрягаются его широкие плечи. Кажется, это не к добру.

– Что **твой** ребенок делает в **моем** офисе?

– У нас ситуация случилась... Егор Григорьевич, можно мы здесь переночуем? Всего одну ночь! Пожалуйста.

Голос почему-то садится, ведь с каждым словом глаза моего босса темнеют, становясь оттенка осенней грозы.

За время работы здесь я видела Айдарова только несколько раз, и то когда он меня просил сделать кофе или назначить встречу. В остальных случаях этот мужчина проносился мимо меня, точно бешеный ураган.

Сглатываю. Сердце почему-то начинает стучать быстрее. Мне как-то неловко становится. Айдаров одет в дорожный костюм, а я стою перед ним в куртке простой, домашней одежде, с каким-то хвостиком сзади и явно красными от слез глазами.

– Так можно?

– Что можно?

– Остаться здесь на одну ночь?

– Нет, – чеканит строго, и лучик ко мне прижимается, опасливо смотря на Айдарова.

– Мамочка...

Соня поднимается на диване и тянется ко мне ручками, видя незнакомого дядю, а я не знаю, как его еще упросить, чтобы мы здесь остались.

– Егор Григорьевич, пожалуйста! Мы будем очень тихо. Я обещаю, никто даже не увидит. Соня очень спокойная девочка, мы будем тихонько сидеть.

– Я же сказал, нет! Здесь не гостиница, не приемочный пункт пострадавших и не детский сад. Езжай домой, Лебедева. Живо, – строго чеканит босс, а я глаза опускаю, чтобы он не увидел, что я вот-вот разревусь перед ним, как маленькая девочка.

– Мы не можем сегодня домой вернуться. Мне нужно, чтобы Соня отдохнула. Мне больше некуда идти. Пожалуйста.

– Мам... я спать хочу.

Потирая глазки маленькими ручками, Соня кладет голову мне на грудь, а я как перед казнью стою. Не знаю, что делать. Егор Григорьевич вовек не разрешит тут остаться. О чем только думала, когда сюда ехала с малышкой.

– Бери ребенка, и идите за мной, – поглядывая на часы, басит Айдаров, тогда как я от услышанного на месте застываю.

– Куда это “за вами”?

Не ожидаю я что-то такого. Я его почти не знаю, как-то страшновато мне ночами ходить за мужчинами, даже если он мой босс. Особенно если он мой босс.

– Со мной поедете.

Глава 5

С полуспящей Соней на руках выхожу к лифту. Айдаров рядом стоит, лицо каменное, вообще ноль эмоций. Разве что злится, что я приперлась в его офис ночью. Вот это точно в глазах темно-синих читаю.

Оказавшись с ним в лифте наедине, сглатываю. Отхожу подальше. Босс в дорожном пальто, туфлях и костюме, а я в том, в чем дома бегала, мужа ждала. Встречала, думала, помиримся наконец, нормально все станет. Дура.

Невольно снова запах его улавливаю. Приятный, даже слишком, да что ж такое... Нос бы себе заткнуть да глаза завязать, чтоб не пялиться на него. Ужас какой-то.

Лифт опускается на минус первый этаж, и мы оказываемся в огромном полупустом паркинге. Ночью здесь тихо, как в море, и что-то я уже нервничать начинаю. Я не знаю этого мужчину, а то, что знаю, спокойствия не прибавляет. Не зря же говорят, что самые пунктуальные и аккуратные, – это ненормальные люди.

– Егор Григорьевич, спасибо, но мы, наверное, пойдем. Дочка совсем расклеилась, ей спать пора. Сами справимся.

Соня уже на плече сопит, а у меня дрожь какая-то по телу разливается. Что я делаю, куда иду? Я же не знаю этого мужчину. Видела несколько раз в жизни. А вдруг он маньяк-психопат и вывезет сейчас нас куда-то в яму или в подвал? Боже, от стресса такая жуть в голову лезет, самой подумать страшно.

– Садись, Виктория. На заднее сиденье. И да, я не маньяк-психопат.

– Откуда вы...

– По лицу вижу, о чем ты думаешь.

Игнорируя мои попытки сбежать, Айдаров ведет нас к огромному белому «Мерседесу» и открывает нам дверь.

– Егор Георгиевич, мы бы там на диванчике... Тихонечко.

– Садись в машину, Виктория! Бегом!

Тон просто гробовой, поэтому спорить я не решаюсь, да и какое-то шестое чувство подсказывает, что Айдаров все же не серийный маньяк-убийца. Слишком уж невыносимый для него. Он известный архитектор и, судя по масштабам его бизнеса, весьма успешный бизнесмен.

Киваю коротко и залезаю в приятно пахнущий кожей салон на заднее сиденье, держа Сонечку на руках. Малышка устала уже и тихонько посапывает, обхватив меня ручками.

Почему-то при этом Айдаров в салон к нам нагибается, а меня от страха аж парализует, но мужчина быстро достает ремень безопасности и пристегивает нас с малышкой. Я же даже не дышу. От него веет какой-то силой, уверенностью, тестостероном за версту, отчего я вся сжимаюсь и выдыхаю, только когда босс закрывает нашу дверь.

После этого он молча садится за руль, и уже через минуту мы оказываемся на ночной трассе города.

В зеркало заднего вида вижу его сосредоточенные на дороге красивые глаза. Синие, темные сейчас, почти как ночь. Айдаров сосредоточенно ведет машину, тогда как меня все больше трясет. Это было необдуманно, а совершать подобные поступки я как-то не привыкла. У меня почти нет денег, телефон скоро разрядится... Снова паника накрывает волной. Что я о нем знаю? Почти ничего. И какой-то черт дернул сесть к нему в машину.

На часах скоро одиннадцать. Снова тянусь к телефону. Зарядки на пару минут осталось, негусто. Входящих ноль, хотя я почему-то ожидала, что муж нас хватится. Не хватился. Сергею, похоже, вообще не интересно, где мы и что с нами. И у меня создается ощущение, что я все беру эти осколки, склеиваю их, а они не склеиваются. Руки только мне ранят до крови уже.

– Что случилось у тебя? С мужем поссорилась? – спустя минуту молчания спрашивает босс, а я быстро вытираю слезы. Так неловко и больно мне еще в жизни не было.

– Откуда вы знаете?

– По глазам вижу.

Поджимаю губы, крутя обручальное кольцо на пальце. Жжет оно мою руку. Как обручем сдавливает шею.

– Так, ничего серьезного, небольшой конфликт.

Не хочу жаловаться, да и Айдаров явно не тот, кому можно рассказать слезливую историю. Судя по разговорам Маринки, ему плевать на сотрудников, и он не боится их потерять, меня работников как перчатки. Остаются только избранные таланты, во всем подчиняющиеся его величеству.

– Родственники есть?

– Нет. Дочка и я только.

На это босс не отвечает, и я невольно на руки его смотрю. Крупные ладони на руле, длинные пальцы, хоть и крупные, но чуткие. Видно, что архитектор. Не знаю даже почему. Плечи его широкие видны из-за сиденья. Темные волосы уложены назад. Красивый он, хоть я и не должна думать об этом. Грешно же, замужняя женщина.

От нервов и усталости я всего на секунду опираюсь на сиденье, стараясь контролировать ситуацию, однако, кажется, меня просто вырубает от легкого вождения Айдарова в ту же минуту. Я все еще не знаю, куда он меня везет и что теперь будет, что с Сергеем, но мои глаза слипаются, и я засыпаю, прижимая ребенка к себе.

– Виктория, просыпайся, – кто-то рядом басит, и, распахнув глаза, я с ужасом понимаю, что уснула! В салоне было так тепло и приятно пахло, что меня просто отключило в машине практически незнакомого мужчины, да еще и с ребенком на руках.

Волна страха тут же проносится по телу. Я не знаю, куда Айдаров нас привез, на улице ночь, и меня начинает не на шутку трустить.

Смотрю на Соню. Спит, спокойная, пальчиками в мою куртку впиалась. Шапка чуть съехала.

– Извините, я, кажется, уснула.

Быстро вылезая из машины, придерживая Соню, оглядываюсь по сторонам. Мы во дворе загородного дома, и я даже не знаю, в какой части города!

Тело тут же пробирает озноб. Немного кружится голова, и становится трудно дышать. Я же мама, как я могла быть такой неосторожной! Где мы, черт возьми?

– Что это за место?

Мой голос дрожит. Я еще ни разу не была в такой ситуации. Не пойми где практически с незнакомым взрослым мужчиной рядом.

– Мой дом.

– Ваш дом?! Вы что, серьезно? Я думала, вы отвезете нас в гостиницу!

– У меня нет времени кататься по гостиницам. Или ночуете у меня, или я вызову вам такси. Сейчас снегопад начался, как ты видишь. Такси приедет только через час.

– Я не знаю... это как-то неудобно.

Боже, что делать? Как я могла уснуть в его машине и даже не спросить, куда Айдаров меня везет?!

Теперь уже поздно. Я у него во дворе стою со спящим ребенком на руках и чувствую, как на щеки клубнями падает снег. Соня начинает подрагивать. Замерзает. Черт возьми.

– У меня есть отдельная комната, если ты об этом переживаешь. Так что?

– Ладно. Если только это вам не трудно. Спасибо.

– Дай мне ребенка.

Айдаров подходит вплотную, а я почему-то Соню намертво к себе прижимаю. Не то чтобы я там полоумная мамаша была, но все равно. Я его же почти не знаю!

– Что? Нет! Не трогайте!

– Я помогу занести в дом ребенка. Ты дико бледная. Упадешь еще по пути. Виктория! Очнись уже. Я тут.

Егор Григорьевич говорит спокойно, абсолютно серьезно смотря на меня, и почему-то я верю ему. Наверное, потому, что больше никому в этот момент, а исходящая от него уверенность словно передается и мне.

– Хорошо, спасибо.

Осторожно передаю Соню в руки Егору Григорьевичу как самое ценное, что у меня есть. Он с легкостью перехватывает маленькую и быстро идет в дом, который открывается одним кликом на пульте.

Как только внутри оказываемся, прикусываю язык, чтобы не сболтнуть лишнего, потому что оказываемся мы в палаце!

Нет, я, конечно, знала, что архитекторы любят и себе нечто интересное сотворить дома, но не думала, что в таких масштабах.

Красиво. Нет, не так! Здесь просто чудесно. Идеальный ремонт, идеальный дизайн, ничего лишнего, все продумано до скрипа просто, и, похоже, кто-то помешан на чистоте.

Ни единой пылинки, крошки, трещинки, и, кажется, даже воздух профильтрован от микробов. Одно только: дельфинов здесь не хватает да фонтана, хотя нет, фонтан все-таки есть!

– У вас очень... красиво! Так все продумано.

Стараюсь быть вежливой, пока сердце тарахтит от волнения, как у мышонка. Не зря Айдаров главный архитектор города. Он профессионал своего дела, и это видно. До скрипа просто. Хочется еще спросить, не надо ли тут бахилы для стерильности надевать, но вовремя прикусываю язык. Он все же в дом к себе привез, не время ерничать.

– Знаю, – угрюмо отвечает босс и снова кликает на пульт. Шторы задвигаются, во всем доме загорается свет, и ногами я тут же чувствую теплый пол. Приятно.

– Верхнюю одежду и обувь здесь оставь. Иди за мной.

Быстренько снимаю обувь, куртку прячу в шкаф, пока Айдаров с Соней на руках заходит в одну из комнат, и мы оказываемся в спальне. Бежево-белые тона. Светлая комната, огромная кровать, на которую он укладывает сонную Соню. Маленькая даже не просыпается, мурчит и переворачивается на бок, обхватывая подушку.

Я же, протискиваясь следом, становлюсь у двери. За такое ночное приключение Сергею своему я готова голову открутить, вот честно. Если бы он не выгнал нас на ночь глядя, этого вообще бы не произошло.

Мужчина подходит ко мне. Возвышается, как гора. Он выше мужа значительно и шире в плечах. Не знаю, почему сравниваю их. Айдаров же просто мой начальник.

– Спасибо вам, Егор Григорьевич, – тихонько благодарю, но, кажется, ему не нужна моя благодарность от слова совсем. Ноль эмоций, у камня и то будет более веселое выражение лица.

– Тут ночуйте, и чтоб ни звука. У меня завтра важная встреча, и я должен хорошо отдохнуть.

– Конечно. Мы будем тихонько, – обхватывая себя руками, говорю я, после чего Айдаров выходит, оставляя нас одних с Соней.

На часах уже двенадцать, и от усталости у меня аж ноги гудят, поэтому я просто ложусь рядом с Соней, укрываю ее и очень надеюсь, что завтра муж возьмет свои слова о дочери обратно, ведь она ему родная!

Кроме Сергея у меня вообще не было никого, так что услышать подобное от мужа сегодня было не менее болезненно, чем получить нож в спину. С размаху.

Я засыпаю с этой мыслью, даже не представляя, что осколки битой семьи, которую я так пытаюсь склеить, уже застряли у меня в ладонях и кровят.

Глава 6

– Мам... мамочка, вставай!

Кто-то тормозит меня за плечо, и я резко вскакиваю, понимая, что это Соня проснулась. Еще так рано, у меня просто слипаются глаза.

– Да, малыш. Я здесь. Что случилось?

Лучик на мне сидит, перебирая волосы маленькими пальчиками. Бросаю взгляд на часы. Четыре утра. Светает уже потихоньку. Снегопад закончился. Не скажешь даже, что март на дворе, все усыпано белым.

– Мам, плинеси молочка!

Быстро протираю глаза. Соня, в отличие от меня, уже бодренькая, ох, кажется, она выпалась.

– Мы сегодня в гостях, зайка. Я даже не знаю, есть ли тут молоко и можно ли нам его брать. Ты очень хочешь пить?

– Да! Очень-очень.

Кивает быстро, смотря на меня своими омутами голубыми. Тянусь к сумке. Конечно, нет тут никакой воды или чая. Я так быстро из дома с Соней выбегала, что не то что молока, денег даже толком схватить не успела, да и нет у меня денег особо. Не успела заработать, а Сергей... мы уже давно выяснили, что то, что он зарабатывает, – это только его деньги.

– Мама, молочка!

Встаю с кровати, обкладываю Соню подушками, хотя знаю, что это ей уже давно не преграда. Она берет эту подушку и высоко подкидывает ее на кровати, играя с ней.

– Хорошо, малыш. Я принесу сейчас тебе что-то попить. Побудь тут.

– Нет, мам, я с тобой!

Лучик тут же начинает с кровати этой высокой слезать, но я обратно ее укладываю. Соня маленькая, ей только три недавно исполнилось, но она как моторчик у меня, не усидит на месте.

– Сонь, пожалуйста! Подожди меня здесь. Мы в доме чужого дяди. Тут надо вести себя тихонько, понимаешь? Я очень быстро.

Малышка кивает, и тогда я тихонечко выскальзываю из комнаты, оказываясь в темном коридоре. Черт, где тут свет включается... Какие пароли или по отпечатку пальца хозяина только? А еще я не знаю, где тут кухня, и вообще, это не мой дом.

Нас только переночевать пустили, только вот Соне все равно нужно что-то попить, иначе она не уснет, начнет капризничать, а это нам сейчас совсем не нужно.

Кажется, все идет хорошо, я почти на ощупь пробираюсь по темноте длинному коридору, пока не чувствую резкую боль в пальце и последовавший за нею жуткий, просто-таки громовой звук слева.

– А-ай!

Кажется, я что-то дико колющее рукой зацепила, и оно упало, с грохотом разбилось.

Ох, мамочки. Этого еще не хватало.

Как слепой котенок, шарю руками в этой полутьме, пока мои пальцы вдруг не касаются чего-то горячего, твердого, и я громко вскрикиваю, понимая, что это что-то живое!

– А-а-а!

Резко загорается свет, и я вижу перед собой Егора Григорьевича в одних только серых боксерах! Кажется, я к его обнаженному и твердому как камень торсу притронулась только что. Блин.

– Не спится? – окидывая меня цепким взглядом, басит босс, и мы оба переводим взгляд на пол, где целая куча земли и цветок валяется. Кактус. Разбитый.

– Боже, это вы?! Вы меня напугали!

– Что здесь творится?

– Извините, я случайно! Не знала, где свет включается, зацепила ваш... кактус. Я куплю вам новый!

– Кактус у меня уже есть, – мрачно. Сам он как кактус! Мистер колючка.

– Вазон! Вазон куплю!

Кажется, краснеют даже кончики волос, и я тут же опускаюсь, пытаюсь собрать эти жуткие осколки и землю вместе с колючками руками, когда в этот момент мне на шею лучик бросается.

– Мама... Ты долго.

– Сонь, подожди. Егор Григорьевич, я сейчас все уберу, минутку.

Теряюсь как-то, неловко все это, и особенно мой босс, стоящий тут, как Аполлон. Стараюсь не глядеть на него. На его сильные ноги, подтянутый торс без единого жирка, мускулистые плечи и то, что под боксерами заметно выпирает. Очень заметно. Боже, дай мне сил выдержать это.

– Уборщица уберет. Не трогай тут ничего, – игнорируя мои попытки хоть как-то это все убрать, чеканит босс, окидывая меня и Соню строгим взглядом. – Почему вы не спите? В четыре утра.

– Соня пить захотела. Извините, что разбудили. Можно у вас... воды попросить?

– Я молочка хочу, ма-ам!

Лучик за штаны меня дергает, и я вижу уже, что вот-вот терпение моего босса лопнет. Насколько я знаю, у Айдарова нет детей, поэтому, похоже, он не в восторге от происходящего, и это мягко сказано.

Слышу, как тяжело выдыхает мужчина, после чего разворачивается босыми ногами и идет куда-то вдаль по коридору.

– За мной.

Я беру Соню за ручку, мы оставляем этот страшный бардак с вазоном и быстренько ступаем следом за моим боссом, оказываясь в просторной белоснежной, как с картинки, кухне.

Тут все сияет, и складывается ощущение, что здесь вообще никто никогда не ест и не готовит. Не то чтобы я была неряхой, но это какой-то перебор. Стерильность дикая просто, будто мы попали в операционную, потому что даже капель воды в раковине и тех нет. Ни одной...

Невольно на Егора Григорьевича смотрю. Сильная спина, широкие плечи, подтянут и явно занимается в спортзале. У него такое красивое тело, кожа матовая, бархатная, к которой хочется коснуться. И он значительно крупнее моего Сережи... Так, Вика, стоп! Нельзя мне на него смотреть, нельзя любоваться и нельзя с мужем сравнивать.

Резко опускаю глаза в пол, чувствуя, как быстро бьется сердце. Это чего я так распереживалась? Сама не пойму. Мой Сергей так меня не волнует, как Айдаров. Чертовщина какая-то.

– Кухня. Холодильник. Микроволновка. Сами разберетесь.

– Спасибо, Егор Григорьевич.

Босс проходит мимо, пока Соня на него как на гору смотрит. Он очень высокий, а моя крошка самая маленькая в садике.

– Этот дядя такой высокий!

– Это ты маленькая. Так, Сонь, садись.

Наливаю ей молока, мельком бросая взгляд на содержимое холодильника. Какие-то закуски из ресторана, бутылка красного вина. Все. Да уж, похоже, Айдаров не любит готовить. Святым воздухом, что ли, питается? Хотя, скорее, он ест в ресторанах. Небожители не едят обычную еду.

Пробую молоко. Холодное для Сони. Пока подогреваю, лучика как ветром со стула сдувает.

– Сонь! Сонь, ты где?

– Мам... смотлиии, тут лыбки! – восхищенно лепечет лучик, показывая на огромных размеров аквариум с рыбками. Быстро прикидываю архитектуру. Аквариум вместо одной из стен на кухне установлен от пола до потолка. Да уж, Айдаров действительно заморочился с дизайном себе любимому.

Не могу сдержать улыбку. Аквариум шикарный. Яркие разноцветные рыбки плескаются в прозрачной воде. На кухне все продумано до тошноты и очень красиво. Если Айдаров сам такое начертил, значит, у него точно есть вкус и не зря его все так нахваляют. Чуть ли не молятся на него, прости господи.

Пикает микроволновка, и я быстро подхожу, чтобы вытащить теплое молоко.

– Сонь, иди сюда.

Усаживаю лучика за стол, и она делает буквально пару глотков, после чего отодвигает чашку.

– Я все.

– Попила? Так быстро?

– Да. Мам, этот дядя, он кто?

– Он... Дракон.

– Длакон?

Соня удивленно вскидывает на меня взгляд, и я тут же жалею, что ляпнула такое. Хотя бы она не запомнила, а то впитывает в себя все как губка.

– Неважно, зайка... Это мой начальник. Зови его дядя Егор, пожалуйста.

Глава 7

Я не закончил проект в этот день и остался допоздна. Обожаю работать, когда тихо, когда никто не мешает и не топчется под моим кабинетом. Виктория Лебедева, двадцать три года. Эта молодая ассистентка показала мне весьма неглупой и даже привлекательной, однако золотое кольцо на ее пальце явно давало понять, что она уже занята, и это хорошо. Никаких отношений на работе я не приемлю сам и никому не позволяю в своем офисе. Вы пришли ко мне на работу – будьте добры выполнять свои обязанности.

Я нанимаю Викторию не потому, что она мне понравилась, а оттого, что выхода уже просто нет. Мой предыдущий ассистент вылетела отсюда, как и прошлые четыре за последний месяц, и времени искать кого-то еще уже тупо нет.

Бездари, решившие, что сюда нужно приходить, только чтобы показать мне накрашенные губы и повертеть задницей в надежде на премию. Я требую исполнительства, и мой ассистент должен быть даже больше, чем моей правой рукой, ногой, головой! Я должен ему доверять, это должна быть моя рабочая... половина.

Эта же барышня выглядела стойкой или же хотела такой показаться и, что главное, не хотела меня склеить. У Лебедевой горели глаза, и она явно нуждалась в работе, судя по блеклым дешевым тряпкам, в которые была одета.

В первый день я нагрузил ее по-максимуму, проверяя, и, как ни удивительно, Виктория не сбежала, а значит, проверку мою прошла. Первую, по крайней мере. Кофе ее, конечно, я выплевал, едва им не подавившись. Мало того, что первый раз она меня им облила, второй раз принесла какой-то сладкий сироп вместо кофе, от которого меня чуть не стошнило. Я не ем сладкое и на дух не переношу сахар, стараясь следить за собой. Это правило номер один.

Я собираюсь уже уходить из офиса в этот вечер, но, когда выхожу из кабинета, замечаю **это**. Их, точнее. Обе белокурые. Одна большая, вторая совсем маленькая. Лебедева с ребенком ютится у меня на диване под кабинетом в одиннадцать ночи, и сказать, что я охреневаю, – это ничего не сказать!

Никаких детей в моем офисе, никак, никогда, никоим образом. Нет! Это правило номер два. Я не особо нахожу общий язык с детьми, а точнее, совершенно их не выношу, и от детских криков, мимолетно услышанных где-то на улице, у меня почему-то всегда дергается глаз.

Не то чтобы я там был ненавистником детей, но мне они всегда казались существами с другой планеты, с которыми, к счастью, я никогда не пересекался сам и не пересекусь в будущем. Все, что я знаю о детях, – они жутко орут, гадят, ревут и вытягивают все деньги, так что нет, увольте, мне такого добра не надо ни в жизни, ни в офисе.

Я должен выпроводить их из офиса в этот же момент, я имею для этого все права, вот только какой-то черт дергает меня посмотреть на явно заплаканную Викторию и сонную малышку. Они выглядят... как пострадавшие, однако, в чем именно, у меня нет ни сил, ни желания разбираться. У меня горят два проекта, последний клиент высказал недовольство, и еще трое стажеров сегодня просто вынесли мне мозг. Мне не до семейных драм, вот вообще ни разу не до них.

Даже не думал, что у Лебедевой есть ребенок, по фигуре вообще не скажешь. Она прижимает к себе крошечную девчущку, как две капли воды похожую на себя. В куртке и съехавшей шапке этот ребенок обхватил с силой ее за шею, положив ей голову на грудь.

Соня. Так Виктория ее называет. Не знаю, сколько ей, два или три года, мелкая еще. На удивление, она не орет при виде меня. Недоверчиво только смотрит, прижимаясь к матери, тогда как раздражение во мне растет уже с каждой секундой.

Я не знаю детей, их повадки и не имею с ними дел. Никогда. Сотрудники с детьми – это всегда сложно, проблемно и ненадежно, и как раз об этом маленьком детеныше Виктория

“забыла” рассказать мне на собеседовании, иначе я бы ее в жизни на работу не взял, а своим личным ассистентом и подавно.

Не знаю, что мне в голову ударяет, но я забираю их к себе. Уже ночь, в офисе должно быть тихо, и, похоже, муженек Виктории не спешит за ними приходить. Лебедева, видно, сильно плакала, а лезть в душу сотрудникам не в моих правилах. Я люблю правила и порядок. Во всем. Не любил бы – не стал бы лучшим в своем деле.

Благо всю дорогу до моего дома ребенок спит, да и сама Виктория очень быстро вырубается. Я же не понимаю, какого черта делаю то, что делаю сейчас, но почему-то выставлять их на улицу в мороз и снегопад мне не хочется, а везти в гостиницу и искать им среди ночи где-то ночлежку не хочется вдвойне.

Доезжаем быстро, и мне все же приходится будить этих лебедек. Мне они именно их напоминают. Худенькие, белокурые, обе с яркими кристально-голубыми глазами небесного цвета.

Лебедева быстро просыпается, однако вид ее мне совсем не нравится. Всполошенная, перепуганная, растерянная, вцепившаяся в ребенка дрожащими руками. Что там у нее стряслось, я не спрашиваю. И так все видно по глазам.

С мужем пособачилась, и как же хорошо, что я не женат! Благодать прямо, а не жизнь! Я сам себе предоставлен, живу как хочу, получаю, что хочу, и вообще, мне грех жаловаться, однако это все не упало мне с неба на голову просто за красивые глаза. Я работаю как проклятый с четырнадцати лет, чтобы быть именно там, где я есть сейчас.

Ребенка беру у нее из рук на всякий случай, а то Лебедева уж больно хилой мне кажется. С огромным трудом, но все же отдает мне малышку, смотря уставшими напуганными глазами, точно я не руководитель ее, а какой-то маньяк из лесу.

Девочка ее оказывается совсем крошкой, легкая, как пушок. Она даже не просыпается у меня на руках, сжавшись в маленький комочек.

Я выделяю им комнату, иду к себе в надежде отдохнуть нормально до утра, и как же я ошибаюсь! Мало того, что среди ночи эта крошка проснулась, так еще и Лебедева разбила мой любимый итальянский вазон с кактусом!

А дальше начинается какой-то сюр. Они изрядно мусорят в моем новом, только-только после ремонта доме. Возвращаясь из кухни, я натыкаюсь на колючки кактуса и вдобавок пачкаю ноги о землю. Сказать, что я не в духе от своих гостей, – это вообще ничего не сказать! Боже, как хорошо, что я живу один. Я привык один, не оставлять никаких подруг на ночь, и самому мне просто шикарно.

Одно только забавляет: Лебедева пялится на меня, когда я встречаю ее в коридоре. Без пижамы, конечно. Я сплю голым, но боксеры все же надеть успеваю.

И она не смотрит, не любит, а именно голодно пялится на мой торс, и ее щеки пылают ярким румянцем. Огромные голубые глаза мгновенно загораются, а раскрасневшиеся губы приоткрываются в немом изумлении и стыде.

И эта ее реакция весьма интересна, если учитывать, что Виктория вроде как счастлива замужем. Даже очень.

Глава 8

Остаток ночи я честно пытаюсь уснуть, но Соня ворочается на новом месте, как маленький вертолетик, поэтому уже в шесть я поднимаюсь на ноги.

– Сонечка, зайка, собирайся. Нам пора, – тихонько шепчу ей, стараясь лишний раз не греметь, но Соня то и дело громко вскрикивает, найдя очередную интересную для себя вещь в этой комнате.

– Домой?

– Нет, ты в садик пойдешь, а я на работу поеду.

Ох, лучше бы я не говорила про садик, так как с этой самой секунды настроение Сони меняется, притом кардинально.

– Неет, не пойду... Не пойду в садик!

– Почему? Сонь, в садике будут другие детки. Тебе же скучно одной дома. Ты же сама мне говорила.

– Не-ет! Не хочу туда. Хочу с тобой, мамочка...

Я слышала как-то, что дети не любят в садик ходить, однако никаких предпосылок к тому, что моя Соня тоже не полюбит это место, вообще не было. Она общительна со мной, любит играть с другими детьми на площадке, однако, похоже, с садиком все-таки не задалось с первого же дня.

Опускаюсь на корточки, ловя взгляд расстроенных глазок дочки. Вот-вот лучик начнет плакать, а нам сейчас это точно не надо.

– Сонь, маме надо на работу. Я после обеда заберу тебя, и домой поедем, будем долго играть. Хорошо?

– Я не хочу в садик! Давай сейчас играть!

Делаю медленный выдох, прекрасно понимая, что у меня нет вариантов. С Сергеем Соню оставить не получится. Он никогда с ней сам не сидит, только если я дома. Няню я себе позволить не могу, и муж никогда не даст на это денег, считая это “лишними ненужными расходами”. Ладно.

– Сонь, я знаю, что тебе не очень понравилось в садике, но давай дадим ему второй шанс? Еще один день. Попробуй, может, ты найдешь там друзей.

– М-м-м...

Соня неохотно кивает, но я вижу, что она явно не в восторге, но и выбора у меня нет.

Стараясь не шуметь лишний раз, тихонько выходим из комнаты. В доме тишина. Шесть утра, и наверняка Егор Григорьевич еще спит.

– Сонь, тихонько. Пошли.

Держа малышку за руку, иду к входной двери, и аж на месте подпрыгиваю от низкого мужского голоса уже через секунду:

– Далеко собрались?

Оборачиваюсь и вижу босса. Егор Григорьевич собственной персоной. В домашних штанах, без футболки, с влажными темными волосами и синим полотенцем на шее.

– Ой, Длакон... – щебечет моя Соня, тогда как я уже под землю от стыда хочу провалиться. Она запомнила это прозвище. Ох, мамочки, зачем я только ляпнула ей это вчера?

– Доброе утро... Егор Григорьевич.

Игнорируя меня, Айдаров молча подходит к Соне и приседает перед ней на корточки.

– Дракон, значит? Сама придумала или подсказал кто?

– Мамочка сказала, – с невинным видом отвечает Соня, и я тут же ловлю на себе пристальный взгляд синих глаз. Медленно назад отступаю, когда босс поднимается и горой нависает прямо надо мной.

– Ну и куда ты убегаешь от Дракона, Лебедева, а? – чеканит мой босс, тогда как я лихо-радочно подбираю правильный ответ, пытаюсь при этом не сгореть со стыда на месте за “Дракона”.

– Егор Григорьевич, извините, это не...

– Не надо, – окидывает меня строгим взглядом. – Оправдания тебе не помогут.

– Я уволена, да?

Прикусываю губу. Потерять работу мне сейчас только не хватало для полного “счастья”.

– С чего ты взяла?

– Ну, за это... за Дракона?

Айдаров складывает сильные руки на груди, коротко победоносно усмехаясь. Короны только не хватает, царевич, тоже мне.

– Я подумаю, что с тобой делать. Так ты ответишь на мой вопрос? Куда ты убегаешь в шесть утра?

– Я на автобус пойду. Нам пора.

– До города тридцать километров. До ближайшей остановки пять. Там дикий гололед и снегом все усыпано. Ты пешком собралась идти с ребенком на руках?

– Ну... вы же тоже будете ехать на работу. Подвезете нас до города?

Маленькая надежда, которая разбивается, как хрустальный шарик о когти дракона.

– Нет.

Сглатываю. Ну конечно, на что я только надеялась. Мы же Айдарову никто. Так, сотрудник с ребенком.

– Сначала позавтракаем. И да, Виктория. Есть одна вещь, которую тебе нужно запомнить, как моему ассистенту.

– Какая?

– Я не пью кофе с сахаром. Никогда! Не делай так больше, если, конечно, не хочешь меня отравить, – чеканит босс, разворачивается и идет на кухню. Мы с Соней только переглядываемся. В более неловком и странном положении я еще не была.

Через минуту мы на кухне, как солдаты, с лучиком стоим. Вижу, как ловко Айдаров кофе готовит, после чего ставит еще одну кружку на стол. Для меня?!

– Что ребенок ест?

– Эм... овсянку.

– У меня нет такого.

– Тогда молока, пожалуйста.

Кивает и наливает Соне молоко. Мне передает кофе.

– Спасибо.

Улавливаю прекрасный аромат кофе, но сама пить не могу. Внутри какой-то зажим. Я рядом с Айдаровым не то что пить, стоять едва ли могу.

Соню только заставляю выпить немного молока, хотя видно, что и она стесняется его. Маленьким зверьком поглядывает на мужчину.

– Егор Григорьевич, спасибо, что пустили переночевать.

Игнорируя мои слова благодарности, Айдаров садится напротив и складывает руки в замок перед собой. Он какой-то странный сегодня. Словно думает все время о чем-то важном.

– Тебе еще нужна работа, Лебедева?

Вкрадчиво, явно с подвохом.

– Да... конечно.

– И ты понимаешь, что в твои обязанности входит выполнять мои поручения?

– Безусловно.

Я помню все сто три требования в этой вакансии. Сто три!

От проверки счетов до ответов на письма и заказа ресторанной еды. Зарплата тут в три раза больше, чем на других позициях, поэтому да, свои обязанности я прекрасно понимаю.

– Тогда это, – протягивает мне какой-то контракт, – твое следующее поручение.

Осторожно беру лист бумаги в руки, пробегаюсь глазами и не понимаю. Перечитываю и снова не понимаю.

– Это...

– Это договор о браке, Виктория. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Глава 9

От шока теряю дар речи на пару секунд, пока не осознаю, что это шутка. Ведь так?

– Я не понимаю.

– Понимать особо не надо. Ты должна стать моей женой, Виктория. На месяц. К этому моменту у тебя как раз завершится испытательный срок.

Айдаров говорит как ни в чем не бывало, будто про очередной свой проект рассказывает, а у меня мурашки бегут по спине. Всматриваюсь в его лицо. Уверен, расслаблен, весьма доволен собой.

– Женой? Вы это серьезно сейчас?

– Более чем. Ты останешься здесь и будешь делать то, что я скажу.

От этой наглости у меня аж слова заканчиваются.

– Да вы... да за кого вы меня принимаете?! Я не за этим... вообще не за этим на работу пришла!

Вспыхиваю словно спичка, всю почему-то аж колотит, тогда как Айдаров, напротив, сидит спокоен, точно удав.

Меня же почему-то в жар бросает, приходится сделать пару глотков крепкого кофе.

Как это его женой стать? Это ж спать с ним придется, и не то чтобы он был некрасивым, но все же... Чужой мужчина. Совсем чужой для меня! У меня никого не было, кроме мужа, и вообще, это все как-то дико.

Почему-то сердечко мое начинает плясать чечетку, как только я представляю, что Егор Григорьевич меня коснется своими умелыми руками. Моих губ, груди, тела... Ох.

– Уши открой, ассистент! Я не трах... – запинаясь, окидывает Соню взглядом. – Хм, я не предлагаю тебе прямых обязанностей жены. Мне нужен фиктивный брак и твоя роль любимой жены. На месяц. Потом отпущу.

Пытаюсь переварить услышанное, но не получается. Айдаров просто ставит меня перед фактом, и это его “отпущу” будто в клетку меня загоняет, ей-богу.

– У вас что, нет претендентки на роль настоящей жены?

– Это не должно тебя заботить. Если согласна, подписывай контракт. Бонусом тебе будет повышение оклада на пятьдесят процентов и хороший юрист. Я вижу, он тебе и так нужен.

Кажется, моя челюсть отвисает еще сильнее, но я все же держу себя в руках.

– Я не могу. Да если бы и могла, не стала бы! Я замужем уже.

– Разведись. В чем проблема-то? Тем более мне жена нужна не по паспорту.

– А как тогда?

– Мне нужна фиктивная жена. По договоренности, – говорит так спокойно, будто это в порядке вещей, и я нервно сжимаю кулаки.

– Нет! Я не могу даже так. Извините. У меня семья есть, ребенок, я замужем! Счастливо!

Добавляю почему-то это “счастливо”, от которого хочется плакать. Потому что счастья там нет, кроме Сони. Мой брак давно стал даже не браком, а так, сожительством.

Отодвигаю от себя этот контракт, как нечто опасное, и вижу, как у Айдарова кривятся губы в подобии насмешки. Надо мной.

– Я вижу, какое у тебя замужество. Про “счастливо” особенно. Подумай, Виктория, не спеши. У тебя сутки.

– А если нет? Егор Григорьевич, я не изменю своего решения. Что тогда будет?

– Уволю. Мне не нужна помощница, которая не выполняет моих поручений, – холодно басит Айдаров, и как раз в этот момент мне очень хочется зарядить ему горячей чашкой кофе прямо по самодовольному красивому лицу.

В город едем в гробовой тишине. Соня то и дело хнычет, не хочет в садик, поэтому одними только обещаниями мне и удаётся ее успокоить.

– Куда везти вас?

– В детский сад, если можно. Центральный, у девятой школы который.

Айдаров кивает, и уже через полчаса Соня остается в садике. Почему-то я не хочу с ней дома появляться, пока мы хоть как-то не помиримся с Сергеем. То, как он вчера на нее накричал... Сергей малышку напугал, притом не впервые, и больше такое выносить я не настроена. Не могу уже просто. Сколько бы тогда маме ни обещала семью сохранить, не сохраняется она. Не клеится совсем, как бы ни старалась.

Последние месяцы мы как чужие, и это уже даже не кризис. Это катастрофа какая-то. Мы с мужем точно пазл, который сломался и больше не склеивается. Царапаем лишь друг друга острыми углами больно.

– Виктория, я жду тебя в офисе через час, собранную и в адекватном виде. У нас куча дел, – строго чеканит Айдаров, как только я выхожу из машины. Он довозит меня прямо до подъезда, за что я ему дополнительно благодарна. Пусть он колючий, но все же не оставил меня где-то на остановке мерзнуть, чтобы я добралась до дома самостоятельно.

– Да, конечно, Егор Григорьевич. Я буду!

– Время пошло, – кивая на дорожные наручные часы, отвечает Айдаров, и его «Мерседес» резко срывается с места. Я же кутаюсь в куртку, холодными руками прижимая сумочку к себе.

Поднимаюсь лифтом на седьмой этаж и открываю квартиру своим ключом. Скидываю куртку в коридоре, прислушиваюсь.

Тихо, слишком тихо здесь, и сердце почему-то начинает стучать быстрее. Не знаю, когда это случилось, но, когда муж дома, мне беспокойно. Я всегда как струна натянутая, ни выдохнуть, ни расслабиться. В последнее время мне было лучше, когда Сергей уезжал в командировки. Я думала, это пройдет, но нет. Не проходит, и после вчерашнего особенно.

– Сереж...

Осторожно прохожу по коридору, ступаю по скрипучему полу... Где же ты?

Сколько раз я делала первый шаг, сколько раз мы мирились, и вот снова.

Выходя замуж, я не думала, что у меня будет **такая** семья, но ведь у всех есть проблемы, не правда ли?

– Сереж, ты где?

Я вхожу на кухню, однако, как только делаю первый шаг, лицо пронзает боль. Острая, такая сильная, что я тут же падаю на пол, буквально сбита с ног. Перед глазами мелькают черные мушки, слезы собираются. От удара.

– Шлюха.

Поднимаю глаза и вижу мужа, а за его спиной стол с полупустыми бутылками коньяка.

– Ты меня ударил... – голос сбивается, и слава богу, что Сони здесь нет. Это была не пощечина. Это был удар по лицу большим мужским кулаком.

– Где ты была, тварь? Где тебя носило всю ночь?!

Щека огнем горит, а от слез все расплывается, но я все же поднимаюсь на ноги. Рыдания невольно вырываются из груди, и я благодарна Богу, что Соня этого не видит.

– Ты же нас сам выгнал! Меня с ребенком на ночь глядя, Сергей, забыл?!

– Я думал, ты вернешься сразу, тебе же некуда идти, Ви-ка! Я искал тебя на улице, я ничего такого не сказал! Я устал, отдохнуть хотел, а не стать рогиносцем второй раз! Где ты шлялась, где?!

Каждое его слово как нож в сердце. Даже о Соне не спросил. Снова эта ревность, которая меня уже добивает просто.

Сергей не был таким, когда мы познакомились, либо же я, дура, не замечала ничего, кроме своей первой любви. Эта патологическая ревность проявилась уже тогда, когда я была Соней беременна. Сначала мне это льстило, думала, сильно любит, пока муж кулаками не показал, что значит его “люблю”.

– У тебя нет права больше спрашивать, где я была, только не после вчерашнего! Соня твоя дочь, родная, если ты этого до сих пор не понял! Все кончено, Сергей, понял, кончено!

Обида душит. Хватит шансов. Я тоже человек. Мне тоже больно. Если это и есть любовь, так пусть она провалится!

Воспитаю Соню без отца. Лучше никакой отец, чем такой, к черту! Всем сама ей стану, всех заменю, не будет она нуждаться ни в чем, как я когда-то. Перебивалась с мамой.

– А-а! – вскрикиваю, когда Сергей за руку меня хватает и больно вбивает в стену. Как же я боюсь его такого. Страшного, дикого, безумного просто. Не любовь это уже никакая. Изнанка страшная, обратная, калечащая меня.

– Быстро же ты замену мне нашла, лю-би-ма-я.

Кривит губы, пока я быстро смахиваю слезы с лица. Рука немеет, он делает больно, и наверняка будут синяки. Снова.

Я думала, что мы уже прошли этот страшный этап когда-то, но я ошиблась. Как же сильно я ошиблась.

“Бьет — значит любит – выкинь это из головы, девочка. У нас таких, как ты, со слованными ребрами привозят, и иногда с пробитой головой. Ребенок будет у тебя здоровенький, ну так и живи ради него, мужа другого себе найдешь, молодая же”.

Мне сказала это врач тогда, когда я после первого удара Сергея попала на сохранение с угрозой выкидыша. Я же рассмеялась ей в лицо, держа подарки мужа и помня, как он на коленях вымаливал прощение. Плакал даже. Божился, что больше никогда. Никогда в жизни меня пальцем не тронет. Дура. Бежать надо было тогда еще, чтобы пятки сверкали, а я еще шанс, и еще, и еще ему давала.

– Кто тебя привез, кто этот хахаль, кто?!

– Это мой начальник. Ничего не было, пусти! Мне больно!

В серых глазах мужа черти плескаются, и тут я понимаю, что это все. Не клеится и не склеить уже. Как бы я ни пыталась. Этот мужчина, что передо мной стоит, мне чужой. Чужак и любой незнакомец будет ближе его.

– Сука.

Еще одна пощечина наотмашь, и я ударяюсь о стену. Отлетаю в нее. По той же щеке ударил. Больно.

Встаю на ноги. Перед глазами все кружится, и я даже не представляю, как через сорок минут должна появиться на работе с идеальным макияжем, свежая и отдохнувшая ассистентка главного архитектора города.

– Я подаю на развод. С меня хватит! Хватит! – шепчу Сергею и в ответ слышу лишь смешок. Едкий, мерзкий, неприятный.

– Развод? Серьезно, Вика, ты?! Осмелела наконец? Да кто ты такая? Ты помнишь, какой я тебя откопал? Ни гроша за душой, у тебя ни черта не было, кроме смазливой лица и тела, но и тут ты быстро сдулась. Еще более холодной бабы я в жизни не видел! Любая будет лучше тебя, любая!

– А ты откуда знаешь, что любая? Сравнивал так часто?

– Сравнивал! Ты же ни хрена мне не даешь! Мы спим отдельно уже год как, год!

– Ты меня бьешь, ты что, не видишь этого? Ты же обещал больше никогда! Как я могу что-то хотеть с тобой, как? Ты говорил, что больше никогда меня не ударишь, не сделаешь мне больно!

– Бьет – значит любит, слыхала? Ты меня сама выводишь. Я мужик здоровый, понимаешь? Я еду в командировку, чтобы только расслабиться! Я секса хочу, я бабу нормальную хочу, а не тебя, такую холодную вечно!

Он кричит, а я лишь слезы глотаю. Как же больно это слышать, но вот в сексе Сергей прав. Последние два года вообще были невыносимыми. Мы не спали уже год, а до того все было плохо. Мне было больно, я была сухой, а муж все делал, лишь бы поскорее кончить.

– Прости, Сереж, я не могу больше так. Я тебя не люблю. Не люблю, не люблю больше!

– Сука ты, Вика! Умолять еще будешь. Ты никто, ты ничто, ты просто пустое место без меня!

– Я... подаю на развод.

В этот момент я окончательно понимаю, что не люблю. Даже если мы и помиримся, я просто не люблю этого человека. Уже давно, надо было просто раньше это признать и не бояться. И даже не в любви дело, наелась я уже ею, а именно в уважении, которого у нас уже не осталось с мужем. Оно потрескало и осыпалось, как битая ваза.

– А знаешь, Викуля, подавай на развод, но помни, что ни копейки от меня не получишь! Про алименты на малую тоже можешь забыть! Я твою мелочь нагулянную спонсировать не намерен! Квартира тоже моя, так что давайте валите отсюда!

Сергей кричит, тогда как я невольно закрываю голову руками в попытке защититься от него. Однажды я лежала в больнице. На седьмом месяце беременности. Тогда Сергей на коленях передо мной ползал, умолял простить. Я простила, думала, сорвался. Просто устал. Ударил. Думала, не повторится. Я ошиблась. Как же сильно я ошиблась, глупая.

Опираясь о стену руками, медленно разворачиваюсь и иду в детскую. Хватаю один пакет и сгружаю в него вещи Сони. Только самое необходимое: белье, колготки, кофточки, штанишки. Хватаю пару ее любимых игрушек.

Из своего шкафа тоже выгружаю одежду. Пару свитеров, джинсы, майки. Хватит на первое время, остальное потом заберу, сейчас не могу уже просто, не могу быть здесь.

Руки трясутся, Сергей сейчас прямо за моей спиной стоит, и я боюсь обернуться, ведь знаю, что он может ударить. Он пьян, а это его самое худшее состояние.

Сгребаю свои жалкие пожитки и вещи Сони. Это порыв, но я еще никогда в жизни не была настолько уверенной, как сейчас. Наспех одеваюсь, игнорируя сильную боль в лице.

– Иди-иди! Приползешь еще сама! На коленях будешь просить вернуться!

– Не буду. Отойди.

Обхожу мужа и, крепче схватив пакеты с одеждой, выхожу из квартиры. И, только оказавшись на улице, даю волю слезам. У меня нет сбережений, и я даже не знаю, куда мне пойти вечером ночевать, когда я заберу Соню из садика.

В кармане всего тысяча, я даже аванса еще не получала...

Глава 10

– Алло, Егор Григорьевич... – пытаюсь говорить спокойно и профессионально, тогда как внутри просто истерю. Не помню даже, как доезжаю до офиса. Прихожу в себя уже на этаже в приемной Айдарова.

– Где ты, Виктория? – басит недовольно, слышу по одному только голосу, Дракон рвет и мечет. – У меня совещание через пять минут! Ты мне нужна, срочно!

– Я... уже здесь. Под вашим кабинетом. Но можно я не буду к вам входить сегодня? Пришлите мне задание по почте, пожалуйста.

– В смысле? Ты издеваешься?! Зайди ко мне, Виктория, живо!

– Егор Григо...

– Зайди ко мне, Лебедева! Я жду.

Айдаров отключается, а я сжимаю дрожащими руками зеркальце. Я ехала сюда на такси. Под рабочим столом у меня вещи, и я нанесла уже три слоя тонального крема на лицо, чтоб не было видно этого жуткого синяка на скуле. Он все же проступил, практически сразу после того, как муж меня ударил.

Еще раз смотрю в зеркальце. Набрасываю светлые волосы на лицо, челкой прикрываю наспех накрашенные красные глаза. Нормально, да и Айдаров вряд ли будет смотреть на меня. Он не видит ничего, кроме своих чертежей да линеек.

Не видно даже, что я плакала, да и я уже успокоилась. Больше не реву белугой, потому как провела всю дорогу до пути в офис.

Наверное, правильно было бы вообще сегодня не приезжать в таком виде, однако тогда я бы сто процентов без работы осталась, а я так не могу. Нельзя мне. С Соней на руках нужно головой уже думать, а не просто сердцем.

Поднимаюсь и осторожно подхожу к огромной двери начальника. Люди в офисе все больше начинают шуметь, а я... пытаюсь быть спокойной и не думать о том, что развожусь. Что надо было это сделать еще три года назад, после первого удара Сергея, но я не могла. Говорить даже о таком было стыдно.

Трижды стучу по двери, натягиваю маску приветливой улыбки. Все хорошо. Все очень...

– Входи, – грубый голос босса заставляет опустить голову. Почему-то сейчас не могу смотреть прямо на Айдарова.

– Здравствуйте.

– Виделись. Подойди, задание есть.

Сидя за огромным столом перед разложенными чертежами в этом идеальном костюме, Егор Григорьевич кивком зовет к себе, и я делаю пару шагов к нему ближе.

Опускаю голову, чтобы волосы на лицо сильнее спадали. Защищаюсь, закрываюсь от него. Не дай бог, увидит.

– Что нужно сделать?

– Этим трем стажерам письма написать, приняты. Этим отказ. Этому в грубой форме. Бездарь!

Айдаров протягивает мне список задач. Я беру осторожно, но застываю, когда в следующий миг Егор Григорьевич поворачивается ко мне, опалая цепким взглядом мою руку.

Не дышу даже, когда он молча берет мою ладонь и медленно поворачивает ее на свету.

– Это что такое? Ты что, упала?

Прикусываю губу, видя большой синяк на запястье. Черт возьми! Надо было и его замазать тоналкой. Я не подумала, что будет видно, а его видно! Еще как, сине-красный, яркий, большой, со следами цепких пальцев Сергея.

– Я... я ударилась о стол. Случайно!

Прикосновение Айдарова обжигает кожу, хоть он совсем не делает мне больно. Смотрит только удивленно, недовольно как-то. У него огромная рука, пальцы длинные, горячие, чужие.

Осторожно вынимаю руку из его ладони, сильнее натягивая свитер.

– Не беспокойтесь. Еще что-то? – говорю тихо, пытаюсь скрыть дрожь в голосе, который сел от слез и теперь жутко хриплый.

– Да. Посмотри на меня, Виктория. Я не привык разговаривать с сотрудником, который смотрит куда угодно, но не на меня, – басит босс, и я набираю побольше воздуха, встречаясь глазами с его цепким взглядом.

– Ты опоздала на работу.

– Всего на пять минут.

– Аж на целых **пять** минут! Я спроектировал гостиную за это время!

Сглатываю. Боже, какой он педантичный! До мозга костей просто. Как так можно, как его вообще люди выносят? Айдаров же работает в коллективе, хотя... если он сам этот коллектив создал, он здесь и правда царь и Бог.

– Извините, Егор Григорьевич, это больше не повторится.

– Снова плакала? Причина.

Складывает в замок большие руки на столе. Вперяет в меня строгий взгляд.

– Это личное. Все в порядке.

Голос сильно дрожит и с потрохами меня просто выдает. Машинально сжимаю кулаки, пытаюсь успокоиться, но выходит так себе, а еще почему-то голова сильно кружится и тошнит.

– Все, что происходит у моих сотрудников, – это часть моего бизнеса, а значит – часть моего успеха. Или ты выкладываешь, что там у тебя, или мы с тобой прощаемся.

– Не о чем беспокоиться, правда! У меня все хорошо.

Отвожу взгляд, не выдерживаю. Айдаров смотрит так, словно сканирует, а я не могу. Несколько минут назад только успокоилась.

Застываю, когда босс со стола поднимается, идет прямо ко мне и становится напротив. Такой высокий, на голову выше мужа будет, в плечах шире. Большой. Статный, видный, я бы сказала.

Сглатываю. Как-то не по себе мне рядом с ним. Так близко. Слишком близко. Где же дистанция?

– Виктория, повтори то, что сказала только что, смотря на меня, – басит строго, окидывая меня серьезным взглядом, а я нервно усмехаюсь. Какой же придирчивый, не зря все его Драконом зовут.

Делаю вдох, вскидываю голову высоко, чтобы встретиться с синими глазами начальника.

– У меня... все хорошо. Правда! Все... прекрасно просто.

Сквозь слезы выдавливаю короткую улыбку, смотря на него, а затем вздрагиваю, когда Егор Григорьевич руку к моему лицу подносит.

Дергаюсь почему-то, боясь удара, но он лишь сдвигает брови и большим пальцем проводит по моей скуле. Прямо там, где синяк, и на его ладони остается добротный слой моего маскарада. Тональный крем, которым я пыталась замазать ссадины.

– Я вижу, как у тебя все прекрасно. Прекрасней некуда, – растирая тоналку пальцами, заключает Айдаров, тогда как я не знаю, куда деть глаза от стыда.

– Муженек разукрасил?

– Нет... Неважно, – бубню себе под нос, пытаюсь выглядеть убедительной, но, похоже, Айдаров насквозь меня видит. Замечаю, что у него желваки на скулах ходят почему-то. Сильно.

– Ребенка тоже бьет?

– Нет, что вы! Никогда.

– Едь в больницу, пусть побои снимают. Потом в полицию сразу, заявление напишешь, – говорит холодно, но я понимаю, что если уж сегодня работу пропущу, то точно потеряю эту должность. А вторую такую я не найду, я вообще тогда ни с чем останусь. На улице, как и предвидел Сергей.

Сама не знаю, как так получается, но я за руку начальника беру. Осторожно, а после сама же пугаюсь и резко отпускаю.

– Егор Григорьевич... извините. Это мои личные проблемы. Не надо никакого заявления. Все нормально, правда! Я просто... развожусь.

Мужчина хмурит лоб, и меж его бровей замечаю морщинку. Смотрит на меня строго, ни капли нежности в нем нет, а я и не жду. Он мой начальник. На этом все.

– В подобном виде в моем офисе нельзя находиться.

– В подобном виде? Что вы имеете в виду? Я не так одета или...

– Или. Твои красные глаза за километр видно, и я уже молчу о синяках на лице и руках. Я дорожу репутацией, и мне не нужны сотрудники, которые плачут на совещаниях. У меня собрание с инвесторами сейчас. Иди прячься под стол и не вылезай, пока я не скажу, поняла?

– Вы это серьезно сейчас?

Даже не верится. Как я буду прятаться в офисе Айдарова? Это что, шутка какая-то...

– Более чем. Иди, Лебедева! Прячься!

Он гремит, а у меня в висках стучит.

– Хорошо...

Делаю шаг, во рту становится сухо, ноги резко подгибаются, немного тошнит, и все перед глазами расплывается.

Я падаю на пол, так и не дойдя до двери.

Глава 11

Мне нужна жена. Срочно, притом желательно с ребенком, и Лебедева оказывается отличной кандидатурой, если бы уже не была замужем, хотя... и это не мешает. Разведется, да и никто в паспорт смотреть не будет.

Любит ли она мужа? Меня это не интересует и не должно, вот только где мне найти другую женщину с ребенком за два дня, вот где?!

Виктория на мое предложение реагирует забавно. Бледнеет, краснеет почему-то, возмущается, а после глаза опускает стыдливо. Странная. Она стыдится смотреть прямо на меня, но в то же время рвется к работе, будто к бою.

Ее маленький ребенок зовет меня Драконом, видимо, потому, что я ей не понравился. Я про себя зову Соню иностранкой, потому что не понимаю ни хрена из того, что говорит эта малышка. Она не выговаривает множество букв, коверкает слова так сильно, что, похоже, только Виктория ее и понимает.

Я ожидаю, что эта безумная ночь закончилась, когда Лебедеву домой отвожу и жду ее в офисе свежей и бодрой, но заявляется она в еще худшем виде, чем была. Намного хуже. Нет, не в одежде вовсе дело, а в красных заплаканных глазах, и это видно просто за милую!

Ее руки сильно дрожат, на безымянном пальце больше нет кольца, хотя еще утром оно было, а это уже интересно. Виктория берет от меня документы, и я вижу первый маячок. У нее на запястье сияет огромных размеров синяк со следами захвата. Такого не бывает при обычном ударе, только тогда, когда с силой сжать руку.

Откидываюсь на кресле. Я так и думал, ее муж мудака, однако я ошибся в степени его идиотизма.

Хрупкая, как лебедь, Виктория стоит предо мной бледная, но ее лицо уж больно сильно блестит от тоналки, что быстро привлекает взгляд.

Не умеет краситься? Не думаю. Вчера еще все было нормально.

Я хочу просто проверить, но, как только поднимаюсь, подхожу к ней и руку к ее лицу подношу, Виктория дергается, тяжело дыша. Кулаки сжимаются сами собой. Она же боится. Думала, что я ее ударю!

Провожу пальцем по лицу, она дергается, и я сразу замечаю синяк под толстым слоем штукатурки. Нет, даже не так, у нее огромный просто фингал на половину ее скулы, который делает миловидное лицо припухшим.

От удара. Кулаком. Мужским.

У меня сейчас будет важная встреча инвесторов, Виктория обязана быть на ней, но только не в таком виде.

Остается пара минут до того, как партнеры уже сходитьсь начнут, тогда как моя подопечная, словно подкошенная, падает на пол, и я едва успеваю ее подхватить. И нет, она не играет. Скорее всего, у нее все же сотрясение, судя по тому, как сильно были расширены ее зрачки.

– Виктория! Виктория, посмотри на меня!

В жизни такой ерунды не делал. Никто в моем кабинете сознание не терял, ну разве что от оргазма было дело, и то давно уже такого себе тут не позволяю. Я не люблю личное переносить на работу. Все приключения и секс за пределами офиса. Так удобно, и только вне офиса я могу хоть на каплю отпустить контроль.

– Виктория, слышишь меня?

Хочу по щеке ее похлопать, но быстро отменяю эту идею. Нет, у нее и так синяк, хуже только сделаю.

За ладонь ее беру. Небольшая, тонкие пальцы. Прохладные, сухие. Губы ее тоже сухие, сам не знаю, почему смотрю на них. Глаза прикрыла, ресницы светлые трепещут. Грудь медленно поднимается от вдоха.

Нашупываю ее пульс, и тут, как назло, Ветровский вваливается без стука.

– Егор Григорьевич, начинаем? Ой... пардон.

– Выйди! Стучать не учили?!

Антон и в Африке Антон. Бесит.

– Закрой дверь!

– Сорри...

– Стой, Антон!

Мой белокурый стажер с внешностью Брэда Питта останавливается на входе.

– Да, Егор Григорьевич.

– Отменяй совещание, предупреди всех и особенно инвесторов! Не до них сегодня.

– Да там уже толпа собралась! Все к вам с чертежами. Человек десять, плюс еще студенты потом подтянутся. Ах да, и интервью же тоже! Вам нужно быть.

– Разгони их, я сказал, подмени Викторию! На сегодня все отменяй! – ору, осторожно подхватывая на руки легкую, как тростинку, ассистентку. Укладываю ее на диван, чертыхаясь как только можно.

Нанял помощницу на свою голову.

– Виктория, ты меня слышишь? – кто-то басит рядом, а у меня голова раскалывается. С трудом глаза открываю и вижу Айдарова. Красив, как бог, ну почему он такой красивый?

Сидит рядом со мной на диване, за запястье меня почему-то держит, а у меня мурашки от этого по телу бегут быстро-быстро. Его ладонь большая, теплая, согревает мою. Это не может быть правдой. Конечно, не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.